

«К счастью для меня, я начал свое образование в 1944 году и поэтому мог изучать классическую генетику»

**(Из интервью Жореса А. Медведева. Геннадий В. Кузовкин¹,
Барбара Мартин²)**

¹ Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», Москва, Россия;
kuzovkin@memo.ru

² Фонд Пьера дю Буа, Женева, Швейцария; Barbara.martin@graduateinstitute.ch

В этом интервью, взятом немецким историком Дитрихом Байрау в 1984 г., Жорес Медведев рассказывает о своей научной карьере в Советском Союзе, начиная со студенческих лет в Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева после войны. Его ранний интерес к вопросам геронтологии привёл его к изучению процесса старения, сначала у растений, а потом у животных, в трёх разных учреждениях: в Москве (1951–1962), в Обнинске (1962–1969) и в Боровске (1970–1972). Центральная тема интервью — самиздат, при этом Жорес Медведев был зачинателем особого самиздатского жанра. Его работа «Биологическая наука и культ личности» стала первым независимым научным исследованием в самиздате. В результате заметное место в интервью занял рассказ об оппонировании Медведева шарлатанским теориям Т.Д. Лысенко. Медведев также говорит о том, какие обстоятельства и мотивы повлияли на его решение опубликовать свои труды на Западе, где в 1966 г. появилась его первая книга по биологии. В 1969 г. он опубликовал в США отвергнутую цензурой рукопись «Взлёт и падение Т.Д. Лысенко». После этой зарубежной публикации Медведев был уволен из обнинского Института медицинской радиологии. В мае 1970 г. учёного насильственно поместили в Калужскую психиатрическую больницу. Скорое освобождение состоялось благодаря успешной, получившей международный резонанс, кампании советских учёных и писателей в его защиту. В 1973 г. Медведев получил разрешение на выезд в Англию для работы в Медицинском Исследовательском Совете и был лишён советского гражданства в том же году.

Ключевые слова: биология, сельское хозяйство, генетика, сталинизм, Советский Союз, диссидентство, самиздат.

«Я принадлежал к лагерю, который был против Лысенко»

В первой половине 1960-х гг. в научных кругах ходила по рукам рукопись неопубликованного исследования «Биологическая наука и культ личности». Автором ставшей весьма популярной рукописи был молодой биолог Ж.А. Медведев. В своём очерке учёный разоблачал псевдонаучные теории Т.Д. Лысенко (т.н. «мичуринская агробиология»), которые нанесли ущерб развитию генетики в СССР и служили оправданием для репрессий против учёных, не желавших признавать шарлатанства и жульничества Лысенко. Среди читателей очерка были Андрей Сахаров и Александр Солженицын. Автор знаменитого «Одного дня Ивана Денисовича» написал Ж.А. Медведеву: «За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта

Ваша» (Медведев и Медведев, 2015, с. 56). После падения покровительствовавшего Лысенко Н.С. Хрущёва речь шла об опубликовании очерка Медведева¹, однако проект так и не осуществился, и автор решил передать рукопись за границу, где книга «Взлет и падение Т.Д. Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)» (Medvedev 1969) и была опубликована.

Вместе с братом-близнецом Роем, историком сталинизма и автором книги «К суду истории», Жорес Медведев получил известность на Западе после публикации своих научно-исторических и публицистических трудов, критиковавших разные аспекты советской действительности. Братья Медведевы — дети репрессированного коммуниста. Жорес в годы Великой Отечественной войны принимал участие в боях на Таманском полуострове, был ранен и демобилизован. В 1944–1950 гг. он учился в московской сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева. Защитил кандидатскую диссертацию по физиологии и биохимии растений в 1950 г. Он работал научным сотрудником Тимирязевской академии в 1951–1962 гг., а с 1962 по 1969 г. заведовал лабораторией молекулярной радиобиологии Института медицинской радиобиологии Академии медицинских наук СССР в г. Обнинске Калужской области.

После публикации своей книги на Западе Медведев был уволен из Обнинского Института медицинской радиологии. В мае 1970 г. учёного насильственно поместили в Калужскую психиатрическую больницу. Скорое освобождение состоялось благодаря успешной, получившей международный резонанс, кампании советских учёных и писателей в его защиту. С 1970 по 1972 г. Медведев был научным сотрудником ВНИИ физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных в г. Боровск, Калужской области. В 1973 г. он получил разрешение на выезд в Англию на год для работы в Лондонском Медицинском Исследовательском Совете². Однако, несмотря на его намерение вернуться в Советский Союз, он был лишён советского гражданства в августе того же года. В эмиграции он не прекратил свою общественную деятельность и поддерживал связь с братом Р.А. Медведевым, с другими инакомыслящими в СССР. В 1976 г. он первым открыл миру тайну Кыштымской ядерной аварии 1957 г. (Медведев, 2013).

Мы публикуем часть интервью немецкого историка Дитрих Байрау с Жоресом Медведевым, которое было записано более тридцати лет назад, в 1984 г., и тогда не предназначалось для печати. Впервые фрагменты из интервью были напечатаны в 2018 г. в газете «Троицкий вариант» (Мартин и Кузовкин, 2018). Пропуски в интервью отмечены отточием, а необходимые разъяснения редакторов — в квадратных скобках. Полностью текст интервью будет напечатан в книге «Несколько интервью о самиздате», которую готовит к публикации Геннадий Кузовкин и которая является проектом исследовательской программы «История инакомыслия в СССР»³ общественной организации «Мемориал».

¹ См. «Письма советских учёных в издательство "Наука" в поддержку издания очерка Ж. А. Медведева "Биологическая наука и культ личности"» в этом номере журнала (с.20).

² Medical Research Council (MRC) — англ.

³ Web-страница программы на сайте «Мемориала»: <https://www.memo.ru/ru-ru/history-of-repressions-and-protest/protest/dissidents/programma-istoriya-inakomyслиya-v-sssr-1954-1987-gg/>

В 1984 г. Дитрих Байрау был молодым профессором и ведущим научным сотрудником Института изучения Восточной Европы при Бременском университете (далее — Институт). Интервью было результатом специального проекта недавно созданного Института. Так, вероятно, был впервые целенаправленно применён для исследования самиздата метод устной истории. Серия интервью (свыше 50 записей) в наши дни стала уникальным источником для изучения этого общественного и информационного феномена, возникшего в послесталинском СССР. Книга «Несколько интервью о самиздате» впервые представит читателям корпус этих воспоминаний. Их неповторимость определяется тем, что записи делались в 1983–1985 гг. События и самиздатские тексты были ещё свежи в памяти респондентов, а самиздат оставался актуальной и едва ли не повседневной практикой образованных горожан в СССР.

Наверное, не требуется пояснять, что в Советском Союзе запись подобных бесед была связана с большим риском. Даже вне его пределов сотрудники Института и респонденты обоснованно опасались за судьбы тех участников самиздатской активности, кто остался в СССР, поэтому интервью не предназначались к публикации.

Впервые информацию об этой серии устных воспоминаний ввёл в научный оборот Дитрих Байрау. В 1993 г. он опубликовал книгу «Интеллигенция и диссидентство. Русские образованные слои в Советском Союзе. 1917–1985 гг.» (Veugau, 1993). Отдельную главу Байрау посвятил самиздату, в которой он широко использовал интервью, включая собственную беседу с Ж.А. Медведевым. Жорес Медведев ответил на вопросы Д. Байрау 4 декабря 1984 г. в Бремене. Медведева пригласил приехать и выступить с докладом о советской науке директор Института — Вольфганг Айхведе. Увы, оба собеседника и В. Айхведе, сообщили, что запаматовали обстоятельства договоренностей и самого разговора. Когда составитель книги, Г.В. Кузовкин, обратился к Жоресу Александровичу с просьбой о комментариях, он любезно согласился и отвечал весьма пунктуально и подробно.

Публикация отрывка из будущей книги даёт нам уместный повод поблагодарить всех, кто помогал и помогает в её создании. Им адресована наша признательность, и нам приятно назвать имена коллег: В. Айхведе (Берлин, Бремен, Германия), Д. Байрау (Тюбинген, Германия), Н. Васильева (Москва), Дм. Зубарев (Москва, Россия), М. Классен (Бремен), И. Купер (США), Дж. Лихей (США), А. Пятковский (Москва, Россия), Г. Суперфин (Бремен), Т. Тиндалл (Великобритания).

Интервью Дитриха Байрау с Жоресом Медведевым Студенческие годы

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших биографических данных и о тех условиях, которые привели Вас к участию в диссидентском движении, или в движении «инакомыслящих».

— Мои биографические данные более или менее известны. Я родился 14 ноября 1925 г. в Тбилиси. В школе учился сначала в Ленинграде, куда переехала наша семья. В 1937 г. мы переехали в Москву, где я продолжал учиться. После аре-

ста отца⁴ нам пришлось уехать из Москвы. Собственно, мы были выселены. Дом, в котором мы жили, принадлежал Военной Академии, где отец работал, так что мы переехали опять в Ленинград к родственникам, но там была очень маленькая комната, которую обменяли на [жильё] в Ростове-на-Дону, где я продолжал учиться в седьмом классе.

Затем началась война. В сентябре 1941 г. мы эвакуировались из Ростова в Тбилиси, тоже к родственникам. Там я продолжал учиться в девятом и десятом классе, но десятый не успел закончить, потому что был мобилизован в армию в январе 1943 г.

В армии я был семь месяцев. Был ранен на Таманском полуострове в мае 1943 г. После госпиталя я был выписан в конце сентября 1943 г. как негодный к военной службе. В то время медицинское обслуживание было не очень хорошим. У меня было ранение в ногу, но возник остеомиелит. Это инфекционное заболевание, которое было после войны полностью вылечено с помощью антибиотиков, но в то время антибиотики, к сожалению, не применялись.

В то время — после того, как я был выписан из госпиталя, — условие было такое, что если человек был мобилизован в армию и не успел закончить десятого класса, он мог получить диплом по тем оценкам, которые были до этого выданы. Я имел возможность поступить в университет или в институт. Сначала я пытался поступить в Медицинский институт или в Московский университет. Но это был 1943 год, и Московский университет ещё не вернулся полностью из эвакуации. В Медицинский институт поступить было трудно. У них была специальная программа, и туда не принимали людей, которые хотели поступить не вовремя. Нужно поступать с 1 сентября и т. д. Поскольку у меня были интересы в области генетики, биологии, пришлось выбрать третье: выбор пал на Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, где меня приняли студентом. Сначала я поступил на агрономический факультет, потом перешёл на факультет агрохимии, потому что я больше интересовался биохимией. Так что я закончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию по факультету агрохимии, но диплом делал по биохимии и физиологии растений, а кандидатскую диссертацию тоже по физиологии и биохимии растений.

Первая моя научная должность была в биохимической лаборатории в Ботаническом саду в Крыму, возле Ялты⁵. Я там работал полтора года, но был в очень плохих отношениях с директором, потому что моим научным руководителем был профессор Жуковский⁶, ботаник, который известен своими спорами с Лысенко. Потом он каялся

⁴ Медведев Александр Романович (1899–1941) — советский военный деятель; отец Жореса и Роя Медведевых; участник Гражданской войны, полковой (по др. данным, бригадный) комиссар, член ВКП(б) с 1918 г., старший преподаватель кафедры философии Военно-политической академии им. Толмачева (1930-е гг.), узник сталинских лагерей (1938–1941, Верхний и Нижний Сеймчан, Магаданская обл., умер в заключении).

⁵ Никитский ботанический сад — научно-исследовательское учреждение, ведущее работы по вопросам плодородства и ботаники. Расположен на Южном берегу Крыма между пос. Никита и Чёрным морем. Сад был основан в 1811 г. как Императорский Никитский ботанический сад, в советское время подчинялся ВАСХНИЛ. Весной 1948 г. Ж. Медведев был направлен в командировку в Никитский ботанический сад П. Жуковским (Медведев, 2010, с. 48). После окончания учёбы, в 1950 г. Ж. Медведев вернулся в Никитский ботанический сад.

⁶ Жуковский Пётр Михайлович (1888–1975) — советский ботаник. В своих мемуарах Жорес Медведев пишет о нём: «Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным учёным

на сессии⁷, но, тем не менее, сохранил очень отрицательное отношение к Лысенко и ко всей этой школе.

В период, когда я был студентом, я участвовал во всех дискуссиях, которые в то время происходили, но на студенческом уровне, а не на уровне академическом. Я принадлежал к лагерю, который был против Лысенко. До начала моей работы с Жуковским я к Лысенко относился положительно, так как он производил впечатление на всех начинающих молодых студентов. Официальная пропаганда производит определённый эффект на людей. И до того, как люди начинали изучать генетику или начинали изучать более серьёзно научные дисциплины, Лысенко не вызывал отрицательного отношения.

К счастью для меня, я начал своё образование в 1944 г. и поэтому мог в этот период изучать классическую генетику⁸. В Сельскохозяйственной академии заведующим кафедры генетики был Жебрак⁹, очень твёрдый генетик, получивший генетическое образование в Америке у Мёллера и у Моргана. Тогда ещё была старая профессура. Это не были «буржуазные специалисты». Жебрак получил образование в советский период, в 1920-х годах, но усовершенствовался в Америке. Жуковский получил образование до революции. Так что это была старая профессура, но не буржуазные специалисты. Это было уже следующее поколение. Те, кто начал образование позже — генетики уже не было в программах, — просто не получили подготовки в этой области и не могли судить, кто прав, кто неправ.

На работу в области старения

Директором Никитского ботанического сада [где я работал с 1950 г.] был некто Коверга¹⁰, физиолог растений, но лысенковец (Никитский ботанический сад входил в систему ВАСХНИЛа, в систему Академии сельскохозяйственных наук). Он мне дал тему, которая меня мало устраивала — работать по физиологии маслин; у меня были интересы в области развития, области старения растений, так что мы, как говорится, не сработались, поэтому я уволился из Никитского сада примерно через полтора года после начала работы. В октябре 1951 г. я вернулся в Москву и получил должность млад-

нашей академии. Он был академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии, и автором считавшегося лучшим учебника ботаники» (Медведев и Медведев, 2010, с. 46–47).

⁷ Речь идёт о печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ (31.07. — 7.08.1948), где Лысенко обрушился на генетику.

⁸ В 1944 г., т. е. за четыре года до разгрома генетики в 1948 г.

⁹ Жебрак Антон Романович (белор. Жэбрак Антон Раманавіч, 1901–1965) — советский генетик и селекционер. Академик (1940) и президент АН БССР (с мая по ноябрь 1947 г.). Возглавляя кафедру генетики и цитологии (1931–1948), впервые в мире получил гибридные плодовые формы пшеницы. В 1947 г. в публикации А.Р. Жебрака в журнале «Science» партийное руководство БССР усмотрело клевету на советских учёных, а сама публикация была названа «антипатриотической акцией». За это, а также за открытое выступление против Т.Д. Лысенко был сначала смещён с должности президента АН БССР, а затем изгнан из неё.

¹⁰ Коверга Анатолий Сафронович (1905?–?) — директор Никитского ботанического сада (1939–1958).

шего научного сотрудника на кафедре агрохимии и биохимии растений¹¹. В этом же году я женился. Моя жена была студенткой...¹²

С 1951 г. я начал работать на кафедре агрохимии и биохимии. В 1954 г. я стал старшим научным сотрудником. В Тимирязевской академии я работал до 1962 г.

В 1962 г. частично в связи с моей рукописью о Лысенко, частично в связи с тем, что Хрущёв закрыл Академию, и Академия сокращалась, я перешёл на работу в Обнинск в Институт медицинской радиологии. К этому времени у меня уже было много публикаций в области биохимии и молекулярной биологии, так что мне предложили работу заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии в Обнинске.

Это был новый Институт. Мы имели достаточные фонды, достаточно средств для закупки импортного оборудования и создавали лабораторию, как нам хотелось. Я создал лабораторию по последнему слову техники, с импортными центрифугами, много другой импортной аппаратуры немецкой: из ГДР и ФРГ, английской, американской и т.д. Лаборатория была очень хорошей: был коридор, хорошее помещение. Этот период был с точки зрения научной наиболее плодотворный.

Первая моя книга — я не говорю о статьях, это было обычное явление, — о синтезе белков и проблеме онтогенеза была издана на русском языке в 1963 г.¹³, но написана она была в Тимирязевской академии. Это довольно большая книга. Она была издана Медгизом и потом переведена на английский язык. Вторая книга была написана в Обнинске. Это — «Молекулярно-генетические механизмы развития»¹⁴. В Тимирязевской академии я работал с растениями, но интересы мои были в области старения и развития, и теоретически я понимал, что наиболее важно работать в этой области с животными, а не с растениями.

Так что когда я перешёл в Обнинск, я начал работать с животными (с экспериментальными животными, это — лягушки, мыши, крысы и т.д.). Если работать с растениями в Академии сельскохозяйственных наук, то там требуются прикладные идеи, связанные с сельским хозяйством. А в Институте медицинской радиологии при работе с животными нужно было обязательно использовать излучение. Можно было избрать любую тему. Так что моя тематика изменилась только в том смысле, что я продолжал изучать проблемы старения, но одновременно с нормальным старением я должен был изучать радиационное старение, т.е. старение, которое ускоряется под влиянием различных доз радиации. То есть нужно было иметь, скажем, колонию мышей или

¹¹ В своих мемуарах Ж. Медведев пишет о причинах своего перевода на факультет агрохимии, после Сессии ВАСХНИЛа, в 1948 г.:

В новых условиях у меня было мало шансов остаться в аспирантуре для получения научной степени. <...> Работать по «мичуринским темам» я не мог. У меня возник другой план. Прежде всего, я решил продлить срок своего обучения на год и кончать не в 1949-м, а в 1950-м году. Для этого я осуществил перевод из агрономического факультета на факультет агрохимии и почвоведения. <...> У меня впереди были теперь два года учебы, а не один. За эти два года можно подготовить не только дипломную работу, но и написать диссертацию на соискание научной степени кандидата биологических наук и сдать кандидатские экзамены (Медведев и Медведев, 2010, с. 52–53, 56).

¹² Медведева Маргарита Николаевна (урождённая Бузина, р. 1926) — биохимик. Жена Ж.А. Медведева. Сокурсница в ТСХА и сотрудница мужа в лаборатории молекулярной радиобиологии. Выехала с мужем в Лондон (1973). Уточнено Ж.А. Медведевым (29.01.2016).

¹³ Медведев, 1963.

¹⁴ Медведев, 1966.

других животных, облучённую и необлучённую, и наблюдать развитие определённых изменений в колонии облучённых животных.

В Обнинске я работал с 1962 до 1969 г. <...> В 1969 г. меня уволили после того, как книга о Лысенко была издана в Америке. Я более-менее знал, что книга будет издана, и меня уволят. Так что это не было неожиданностью для меня. После этого судьба моя достаточно описана в книге: «Кто сумасшедший?»¹⁵, все события: как я был без работы, как был в психиатрической больнице...

После этого мне предоставили должность в Институте физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных в небольшом городке Боровске, недалеко от Обнинска. Этот Институт входил в систему Сельскохозяйственной академии. Я думаю, что решение предоставить мне научную работу было принято после того, как было принято решение освободить меня из психиатрической больницы. Так что нужно было дать человеку работу. Но восстановить на работе в том же Институте было бы поражением для администрации, для КГБ, для партийной администрации. И нужно было предоставить мне должность ниже, и в Институте, который по своему научному характеру был бы ниже, чем Институт Академии медицинских наук.

Меня это вполне устраивало. В определённой степени те два года, которые я там проработал, были даже успешнее, чем когда я работал в Обнинске. По двум причинам: первое — у меня не было никаких административных функций. Как заведующий лабораторией я не был ответственен за работу других сотрудников, которые были независимы. У меня была небольшая группа — младший сотрудник и два лаборанта, поэтому я мог работать только над теми проектами, над которыми я хотел работать. Никаких административных обязанностей. Мог писать сколько угодно. Поскольку я был сотрудник Института, я мог публиковать статьи в научных журналах. Так что этот период, когда я работал в Боровске, был тоже в достаточной мере плодотворным.

Институт в Боровске расширялся, и если бы я не уехал в Англию по приглашению от Медицинского Совета, или вернулся бы из Англии после окончания этой поездки, то я получил бы лабораторию в Боровске. Там строился новый огромный корпус, и я уже знал, что будет предоставлено моей группе. Это было очень большое помещение, так что я мог бы расширяться, продолжать работу в этом Институте и даже создать новую лабораторию.

Я думаю, что создать новую лабораторию мне бы не дали, но как старший научный сотрудник, я получил бы большую группу и смог бы расширить работу.

Что касается моей жизни в Англии, то это уже менее интересно.

Дискуссия о Лысенко

— Можете ли Вы рассказать о процессе работы над книгой о Лысенко? Вы писали один? Имели ли Вы контакты с людьми, которые Вас поддерживали или давали материалы, и с академиками?

¹⁵ Medvedev and Medvedev, 1971. Речь идет о книге, изданной в США, в которой братья Медведевы рассказывают о том, как в мае 1970 г. Ж. Медведев был насильственно помещён в психиатрическую больницу за свою диссидентскую публицистическую деятельность. Через 19 дней, вследствие протестов таких знаменитых учёных и писателей, как А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын и А.Т. Твардовский, он был освобождён.

— Мотивация писать об этом у меня была давно, потому что первый полемический документ, который я написал по дискуссии о Лысенко, был в 1946 г.

— **Это было публичное выступление? Статья в научном журнале?**

— Это была статья для публикации. Она не была опубликована, но была написана в остром полемическом стиле.

Дело в том, что меня интересовала генетика. Начиная практически со школьных лет, я читал очень много литературы. Я читал всего Лысенко и многих его сотрудников. В смысле знания дискуссии и всего прочего даже в тот период, когда я относился с симпатиями к Лысенко, как к передовому учёному... Я читал очень много о Лысенко и других авторов в области физиологии, биохимии... В смысле теоретическом я был подготовлен очень хорошо.

В Тимирязевской академии я начал работать с Жуковским с 1945 г. Причём Жуковский для поддержки студентов — стипендия была очень маленькая, положение с удовольствием из-за карточной системы было очень тяжёлое — давал нам немного зарабатывать переводами с английского о происхождении культурных растений (он в этой области работал).

В этот период возникла дискуссия о дарвинизме, об эволюции, внутривидовой борьбе и т. д., в которой Жуковский принял очень активное участие. Он написал очень резкую критическую статью о Лысенко¹⁶. Лысенко ему ответил в «Правде» очень грубой статьёй¹⁷. Я был вовлечён в эту дискуссию. Я написал тоже как бы статью со своими критическими соображениями с другой стороны и попытался её опубликовать, но без всякого успеха. Копии у меня не сохранилось.

Затем, в 1946 г., Жуковский сам предложил мне написать рецензию на книгу Лепешинской¹⁸ о происхождении клеток из живого вещества. В этот период книга Лепешинской¹⁹ была представлена на Сталинскую премию, а Жуковский был член Комитета по Сталинским премиям. И я с одним из моих друзей²⁰ написал рецензию на эту книгу. Тоже довольно остроую. Мы пытались её напечатать и тоже без всякого успеха.

Затем, когда я уже работал младшим сотрудником по агрохимии, Лысенко всё время переносил свои идеи в разные области. Возможно, что я прекратил бы своё участие в дискуссии, поскольку тогда генетика не была моей областью. Я изучал старение, изучал некоторые другие проблемы, непосредственно прямого отношения к генетике не имевшие. Но как раз в этот период Лысенко перенёс свою активность в область агрохимии, начал предлагать свои способы удобрения... Поэтому дискуссия перешла в агрохимию.

¹⁶ Жуковский, 1946.

¹⁷ Лысенко, 1946.

¹⁸ Лепешинская Ольга Борисовна (урождённая Протопопова; 1871–1963) — советский биолог и революционный деятель. Лауреат Сталинской премии (1950), академик Академии медицинских наук СССР (1950). Широкую известность в СССР получило обсуждение (в дальнейшем не подтверждённой) теории О.Б. Лепешинской о новообразовании клеток из бесструктурного «живого вещества». Теория Лепешинской на совместном совещании АН и АМН СССР 1950 г. была поддержана рядом гистологов и всеми выступавшими докладчиками, включая Т.Д. Лысенко, но впоследствии встретила осуждение критиков как политизированное и антинаучное направление в советской биологии.

¹⁹ Лепешинская, 1945.

²⁰ Гуляев Виктор Алексеевич (р. 1923) — биолог, ученик проф. П.М. Жуковского. Студент ТСХА (1944–1951). Соавтор очерка-рецензии о работе О.Б. Лепешинской (1946). Уточнено Ж.А. Медведевым (17.12.2015, 29.01.2016).

А я стал работать на кафедре агрохимии, а не на кафедре ботаники, но дискуссия шла вокруг питания растений. Лысенко выдвинул свою теорию о питании растений, совершенно фантастическую, но, тем не менее, это вызвало среди агрохимиков резкую оппозицию Лысенко. Дискуссия в этой области продолжалась. Я помню, первый документ был написан коллективно группой агрохимиков²¹, профессор Клечковский и другие, мы были участниками этих документов. Но такие документы обычно не публиковались. Они посылались в Центральный Комитет [КПСС]. Была такая форма: группа профессоров пишет документ, обосновывает свою точку зрения, свою критику и направляет его в партийную инстанцию, где обычно это не получало никакого развития.

Докторская диссертация и попытка издания двух книг в Советском Союзе

Участие в этой дискуссии, в этой полемике было непрерывным. Примерно в 1956–1957 гг. я начал работу в области строения и синтеза белков, и как раз в это время в этой области был сделан ряд открытий в основном в Англии, а потом в Америке. Как раз в Институте медицинской биохимии [в Лондоне], где я сейчас работаю в лаборатории биохимии, были открыты промежуточные ступени синтеза белка, которые связывали синтез белка с ДНК, т. е. связали генетику с механизмом синтеза белков в очень прямой форме.

В этот период возникла также теория генетического кода, дававшая логическое объяснение, как воспроизводится специфичность белков. Так что я стал непосредственно сталкиваться с биохимической генетикой, как таковой.

В этот период дискуссия с Лысенко уже шла. На уровне ботаники, в основном в области эволюции видов, Лысенко подвергался критике. В области механизма наследственности прямой критики Лысенко не было, потому что очень трудно было что-либо опубликовать. Главные позиции в биохимии (редакторы журналов — Опарин, Сисакян²²) занимали люди из группы Лысенко, поддерживавшие его.

Я опубликовал ряд обзоров, главным образом, в смысле популяризации генетического анализа биохимических проблем, то есть те вопросы, которые считались морганистскими, или менделистскими, или противоречащими лысенковской теории. Можно было уже печатать как обзор литературы в области синтеза белка, в области роли ДНК в синтезе белков. Это был уже период, когда я начал писать книгу о синтезе белков, которая предполагалась как докторская диссертация.

У меня был уже твёрдо выработанный взгляд, что докторская диссертация — это трата времени. <...> Моя точка зрения была: если нужна докторская степень, если она вообще целесообразна, то нужно её присуждать либо по совокупности работ, либо по опубликованной книге без формальной защиты. Поэтому книгу «Синтез белков

²¹ Комментарий Ж.А. Медведева (18.12.2015): Текст петиции в ЦК КПСС от агрохимиков составлял проф. В.М. Клечковский и подписывали другие профессора и доценты кафедры. Всеволод Маврикийевич Клечковский (1900–1972) — советский агрохимик.

²² Опарин Александр Иванович (1894–1980) — советский биолог и биохимик, академик АН СССР с 1946 г., Герой Социалистического труда (1969), активный сторонник Т.Д. Лысенко. Автор теории о возникновении жизни на Земле. Нораир Мартиросович Сисакян (1907–1966), биохимик, академик АН СССР с 1960 г., активный сторонник Лысенко. В 1959–1963 гг. Сисакян был главным учёным секретарем Президиума АН СССР.

и проблема онтогенеза» я начал писать, имея в виду, что это будет докторская диссертация для защиты.

Начал я писать в 1958 году. Для советских условий представлять докторскую диссертацию, когда ещё нет 40 лет (в 1958 г. мне было 33 года) — ранний период. Это не так часто бывает. Консервативная среда не очень любит, когда слишком молодые ученые выступают с докторской диссертацией. Но моя мысль была такая, что когда книга будет написана и опубликована, то — если это не рукопись, — будет значительно легче.

Книга была закончена в конце 1959 или в начале 1960 г. Точно не помню. Это была первая монография по синтезу белков в связи с проблемой наследственности, развития и старения. Первая обстоятельная монография по синтезу белков. Даже на Западе не было книг по синтезу белков, которые анализировали бы современные проблемы.

Эту книгу я представил издательству «Наука» <...>. Как обычно, издательство принимает рукопись и посылает её на рецензию двум авторам. У меня, естественно, спросили, кто бы мог рецензировать из признанных учёных. Издательство вправе решать само, кому послать на рецензию. Я рекомендовал одним из рецензентов моего хорошего знакомого и коллегу, очень серьёзного учёного Никитина²³, который был наиболее крупным учёным в области старения в Советском Союзе и до сих пор им является. Сейчас²⁴ ему лет 75, наверное. Он из Харькова. У нас были хорошие отношения. Кто был второй рецензент, я даже не знаю.

К моему удивлению, Никитин написал очень положительную рецензию. Но имел два критических замечания: что глава о наследственности написана не с мичуринских позиций. И он рекомендовал эту главу либо переписать, либо полностью исключить из книги... Меня это несколько удивило. Но наиболее повлияло то, что редактор, который был ответственен за мою книгу (я не помню имени этой женщины), её это не только удивило, а испугало. Редакторы часто не читают или не понимают текста, но когда рецензент пишет, что «не с мичуринских позиций...». Так что она начала своего рода консультацию, очевидно, с некоторыми другими авторами или научными рецензентами. И в конечном итоге книга задержалась на полгода, потом ещё дольше. Наука движется вперед, мне пришлось дополнять, переписывать. В конечном итоге мне книгу вернули с просьбой изъять главу о наследственности. Но, с точки зрения чисто логической, это было просто невозможно, потому что книга имела определённую структуру, определённую теоретическую основу, и изъять главу о наследственности значило изъять связующее звено между первой частью книги, где излагались теоретические вопросы о синтезе белка и нуклеиновых кислот, и второй частью, где излагались вопросы о механизмах развития и механизмах старения. Поэтому глава о наследственности была ключевой главой, связующей обе части. Предложение издательства было просто неприемлемо.

Первый опыт издания за границей

Это был период, когда у меня возникло решение издать книгу за границей. Это не было политической литературой, но я знал, что таких книг за границей нет. И я начал осторожно выяснять, кто мог бы быть заинтересован в издании этой книги.

²³ Никитин Владимир Николаевич (1907–1993) — учёный в области возрастной и сельскохозяйственной физиологии и геронтологии, академик Академии наук УССР (1967).

²⁴ То есть во время интервью, в 1984 г.

У меня были с этой точки зрения контакты с несколькими учёными, которые приезжали в Тимирязевскую академию. И это был период, когда я в первый раз послал за границу для издания большую статью по старению, по теории ошибок, по биохимическому механизму старения.

В начале 1960 г. меня пригласили участвовать в Международном Конгрессе по геронтологии в Сан-Франциско. Я послал абстракт, реферат — о статье, который был принят, и мне прислали официальное приглашение с оплатой проезда туда и обратно. Я представил приглашение по официальному каналу. Я тогда работал в Тимирязевской академии. На кафедре меня поддержали. Дело о том, чтобы я поехал в Америку, рассматривалось в Министерстве высшего образования. Было решено, что делегация советских учёных поедет в Сан-Франциско. Институт геронтологии²⁵ уже существовал, люди уже работали в этой области. Поездка делегации готовилась, и меня включили в её состав. Это описано у меня в книге «Международное сотрудничество учёных и национальные границы»²⁶.

Но поскольку эта поездка не состоялась (по каким причинам — это у меня описано подробно: меня вызвали в ЦК, беседовали, выясняли, что дало мне повод для анализа всей системы поездок за границу) и поскольку у меня, как у каждого учёного, было желание опубликовать работу, она уже была готова на английском языке, и мне казалось, что это очень важная, во всяком случае, новая теория молекулярных аспектов старения (так она и осталась, эта теория, и существует до настоящего времени), то я решил просто послать её независимо от того, поеду я или не поеду, поскольку я уже чувствовал, что поездка, может быть, не состоится. Я тогда ещё не знал о цензуре почты и посылал её обычным заказным пакетом через почту. Послал её один раз, второй раз, третий раз, но не получал подтверждения. То есть профессор Шок²⁷, президент Конгресса, сообщал мне, что он не получил рукопись. А я высылал «экспресс»-почтой, и он не получил рукопись. Поэтому незадолго до открытия Конгресса у меня было намерение послать её с кем-нибудь из иностранцев, если будет такая возможность.

Возникло два варианта. Один был один американец, посетивший Тимирязевскую академию. Мы его водили по музеям. К тому времени я знал английский язык довольно хорошо, потому что кончил вечернее отделение Института иностранных языков, двухлетний курс, так что я мог уже говорить — не только пассивное знание, но и активное. Это был почвовед. Мы с ним много говорили о текущих проблемах. Я знал, в какой гостинице он живёт.

Второй контакт был Президент Международного биометрического общества, который тоже приезжал в Москву. Ему было лет 65. Он когда-то работал в Советском Союзе, в Ленинграде, два года, в 30-х годах. Так что он знал обстановку довольно хорошо.

Я решил использовать эти контакты и послать рукопись.

Помню, я приехал к американцу-почвоведу, с которым больше общался. Он был очень испуган и отказался взять рукопись. Для меня это было тоже шоком: американец — и боится взять рукопись в Америку! Тогда я обратился к Президенту Международного биометрического общества. Я не помню сейчас его фамилию — Блисс или

²⁵ Международная ассоциация геронтологии, которая поддерживала конгресс в Сан-Франциско в 1960 г.

²⁶ Medvedev, 1971.

²⁷ Шок Натан (Shock, 1906–1989) — биолог (США); был известен как «отец» геронтологии и глава научно-исследовательского центра геронтологии.

что-то в этом духе²⁸. Он оказался более подготовленным, потому что лучше знал советскую обстановку, лучше знал существующие условия. Он согласился взять с собой рукопись. В Америке он отправил её Президенту Конгресса. В итоге статья была напечатана в трудах Конгресса в 1962 г.

Никаких осложнений не было, потому что никаких следов пересылки статьи не осталось. Когда статья была напечатана, я уже работал в Обнинске. Конечно, то, что я посылал рукопись, было где-то в цензуре, где происходит перехват рукописей, известно. Но это была не политическая работа, и очевидно, очень много учёных посылают свои работы за границу. Это всё, наверное, где-то складывается, мер никаких обычно не принимается до тех пор, пока это не связано с политическими проблемами.

Люди в Советском Союзе получают просьбы прислать оттиски, прислать рукописи, работы. Очень часто они пытаются послать, но в большинстве случаев это не доходит до адресата, где-то пропадая. Так что никаких действий [со стороны властей] не было, но у меня уже был какой-то опыт, что можно послать, и я решил сделать то же самое с рукописью по синтезу белков.

Цензурное советское издание и расширенное американское издание

Прежде чем передать рукопись за границу, я передал её в другое издательство — в Медгиз. Медгиз был менее зависим от Лысенко, и рецензенты были другие, рецензенты дали положительный отзыв, так что рукопись пошла в набор, пошла в издание.

Тем не менее, в 1961 г., когда в Москве был Биохимический Конгресс, я послал с одним из моих коллег²⁹ рукопись за границу и просил выяснить, какое издательство может её издать. Он нашёл издательство, и книга была в конце концов издана в Англии с моими последними дополнениями. Она вышла после того, как вышло советское издание, в переводе с русского, поэтому никто не знал, что я послал рукопись. Это довольно большая работа. На английском языке вышло 600 страниц с дополнительными главами, которые были написаны для английского издания, чтобы сделать книгу более современной.

Был целый ряд приключений с русским изданием, потому что на последней стадии, когда книга была уже отпечатана, и тираж частично начал продаваться, он был остановлен. И опять именно из-за этой главы о наследственности, где было несколько критических замечаний о Лысенко. Книга была под угрозой полного уничтожения. В конечном итоге издательство пошло на компромисс со мной и с неофициальной цензурой.

Существует цензура не только на уровне рукописей; существует цензура на уровне новых, только что вышедших изданий, называемая «разноской». Новую, только что выпущенную книгу разносят бесплатно в Академию наук, в ЦК, определённым лицам. По каждой специальности существует около 30 человек, которые получают первые экземпляры, когда книга уже печатается.

²⁸ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Блiss (Bliss) Честер Итнер (1899–1979) — биолог (Великобритания, США); в 1930-х работал в Институте защиты растений (Ленинград); первый секретарь (1947–1962) Международного биометрического общества.

²⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Ричард Лоренс Миллингтон Синг (Synge, 1914–1994) — биохимик (Великобритания). Нобелевская премия по химии (1952). Вывез из СССР рукопись работы Ж.А. Медведева о биохимических механизмах старения (1961).

Из сельскохозяйственного отдела ЦК (не от Лысенко, это было время Хрущёва) поступил приказ остановить продажу. Книга была изъята из магазинов, но издательство не хотело нести убытки. Часть тиража, около 300 экземпляров, было продано в провинциальных городах. В Москве не было ничего продано, не успели.

По советской практике часть тиража отправляется в провинциальные города раньше, чем в Москву, чтобы продажа началась в Москве и в провинции одновременно. Так что инструкция задержать книгу была получена в Москве быстрее, чем в провинциальных городах. Поэтому в Новосибирске книга продавалась.

В конечном итоге издательство пошло на компромисс после нескольких месяцев переговоров, потому что они не хотели уничтожить тираж полностью. И я не хотел уничтожать тираж. Несколько параграфов нужно было убрать и заменить другими — так называемая выдирка. Была сделана перепечатка и вклейка нескольких страниц. Это заняло несколько месяцев.

Критические замечания о Лысенко были извлечены из книги. Книга вышла в 1963 г. Но в начале 1962 г., когда книга была в печати, а я не был ещё уверен, что она будет издана... даже в конце 1961 г., когда я сдал её в Медгиз, но не был уверен, что будет положительный отзыв, накопление всех этих отрицательных эмоций дало мне повод, чтобы написать полемическую статью о Лысенко, которая была более историческая. То есть по истории возникновения Лысенко.

Книга о Лысенко

В этот период было много рукописей в самиздате о Лысенко. Были толстые рукописи. В книге о Лысенко я выразил благодарность двум учёным³⁰. Один из них — мой хороший друг Эфроимсон³¹, который тоже писал много рукописей, циркулировавших среди генетиков³². Но эти рукописи были сосредоточены на анализе лысенковских теорий: что теории неверные и доказательства, почему они неверные.

Мой подход был другой. Я пытался показать, поскольку это был период Хрущёва, Лысенко с точки зрения... Как учёный, Лысенко был под защитой Хрущёва. Хрущёв постоянно напоминал о том, какой, так сказать, великий учёный Лысенко. Кроме того, рукописей с критикой Лысенко в самиздате было достаточно. Дубинин³³ в этот период

³⁰ Второй — А.А. Любищев. «Наибольшую помощь оказали Владимир Павлович Эфроимсон и Александр Александрович Любищев, которые уже в течение нескольких лет были известны как авторы обширных трудов с критикой всех аспектов «мичуринской биологии» (Медведев, 2014).

³¹ Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989) — советский генетик, доктор биологических наук, политзаключенный сталинских лагерей (1932–1935, 1949–1955). В 1967 г. стал заведующим отделом генетики Института психиатрии Минздрава РСФСР, затем с 1976 г. на должности ведущего научного сотрудника и профессора-консультанта Института биологии развития АН СССР.

³² Речь идет о работе «Об ущербе, нанесённом СССР новаторством Лысенко» (300 с.). В.П. Эфроимсон написал и отправил её в отдел науки ЦК КПСС. Он работал над «запиской» в 1947–1948 гг., после увольнения из Харьковского университета. Его уволили за то, что он перевёл статью известного русского генетика-эмигранта Ф.Г. Добжанского с критикой Лысенко, кроме того, ему поставили в вину распространение статьи среди студентов.

³³ Дубинин Николай Петрович (1906 (1907)–1998) — советский генетик, основатель и разработчик многих новых направлений биологии, автор классических работ по эволюционной, радиационной, молекулярной и космической генетике, проблемам наследственности человека. Дал научное

тоже выступал с этой точки зрения. И я решил, что более эффективно будет показать, что Лысенко, собственно говоря, выдвинулся на репрессиях против генетиков, что дискуссия в период 1930-х гг. была не столь безобидной и что советская генетика потеряла очень много учёных через систему репрессий. И показать связь этих репрессий с той активностью, которую можно было ассоциировать с Лысенко и его школой (Презентом и другими), с обвинениями, которые они выдвигали. Моя точка зрения была, что поскольку эта линия поддерживается Хрущёвым — критика Сталина, критика сталинского террора; после 1961 г., после XXII съезда это было популярно, — я считал, что с этой точки зрения будет очень трудно игнорировать этот подход к Лысенко.

Сначала была короткая версия. Примерно 57–60 страниц с анализом. Я её дал нескольким людям прочитать. Все отнеслись к этому очень хорошо, подсказывали мне новые материалы. Но меня самого увлекли подход и анализ этой исторической части, поскольку таких документов не было.

Я начал работать в библиотеке, начал собирать библиографический материал. Это не так трудно найти, потому что в Советском Союзе есть Летопись журнальных статей, Летопись газетных статей, Летопись книг, причем мало кто пользуется этими летописями. [Возьмём], допустим, директора Тимирязевской академии Столетова³⁴. Известны его основные работы за Лысенко. А я прихожу в Ленинскую библиотеку, беру Летопись газетных статей и нахожу, что Столетов в 1937 г. был в Саратове и напечатал там какую-то статью. Я выписываю «Саратовскую правду» и вижу, что есть прямая связь между арестами в Саратове и статьей Столетова против саратовских учёных и т.д. То есть я мог по определённым фигурам из группы лысенковцев проследить связь между теми репрессиями, которые были среди генетиков, и теми обвинениями, которые выдвигались не только Лысенко, но и представителями его школы.

Рукопись распространяется в самиздате

В итоге возник первый вариант рукописи под названием «Биологическая наука и культ личности», которую я дал прочитать ряду коллег в Тимирязевской академии и в Академии наук, которых я знал. Процесс размножения, процесс самиздата возник более или менее спонтанно <...> через «Комсомольскую правду»³⁵. В «Комсомольской

обоснование селекции сельскохозяйственных животных, растений и микроорганизмов, внёс вклад в развитие медицинской генетики, наметил пути развития генетики в XX веке. Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (1990). Член Национальной академии наук США (1969).

³⁴ Столетов Всеволод Николаевич (1906 (1907)–1989) — советский государственный деятель и учёный-биолог, в 1951–1953 гг. — министр высшего образования СССР, в 1959–1972 гг. — министр высшего и среднего специального образования РСФСР, действительный член (1968) и президент АПН СССР (1972–1981). В 1938–1939 гг. — редактор журнала «Советское хлопководство». После разоблачительной статьи В.Н. Столетова «О вражеской науке», опубликованной в «Правде», старейший агроном страны, знаток земель юго-востока академик Н.М. Тулайков вместе с Г.К. Мейстером были арестованы и погибли в лагерях. Об их судьбе рассказал в своей работе Ж.А. Медведев. В 1948–1950 гг. — директор Московской сельскохозяйственной академии, стал им сразу после августовской сессии ВАСХНИЛ.

³⁵ В книге «десять лет после Ивана Денисовича», Медведев писал, что его друзья передали его рукопись в «Комсомольскую правду» летом 1962 г. Очерк имел успех среди сотрудников газеты, которые и заказали Медведеву статью по теме генетики (Medvedev, 1973, с. 15).

правде» один из сотрудников <...> попросил у меня статью, популяризирующую генетику. Эта статья потом появилась в 1963 г. в журнале «Нева». Авторы: Кирпичников³⁶ и Медведев³⁷. Но первоначальная просьба исходила от «Комсомольской правды».

Для того чтобы поддержать эту статью, я представил в «Комсомольскую правду» и рукопись более крупной работы. В «Комсомольской правде» хотели получить мнения более крупных учёных, чтобы как бы поддержать публикацию. Они серьёзно думали опубликовать статью. Это был более короткий вариант того, что было напечатано в «Неве».

Для того чтобы получить поддержку других учёных, «Комсомольская правда» размножила 20 экземпляров моей рукописи. Это было 200 страниц примерно, под названием «Биологическая наука и культ личности». Их разослали некоторым академикам: Капице, Кнунянц³⁸ и другим³⁹. Далеко не всё к ним вернулось. И это было началом спонтанного процесса размножения в самиздате. Этот вариант был в самиздате значительно более широко распространён, чем вариант, который напечатан значительно позже. Он разошёлся более или менее по всему Советскому Союзу. Тысячи экземпляров. Я встречал потом людей из самых различных областей и групп — учёных и даже партийных работников⁴⁰, — и был удивлён, что почти все, кого я встречал, читали эту рукопись. Сахаров получил её в тот период⁴¹, и почти все академики из химиков и физиков полу-

³⁶ Кирпичников Валентин Сергеевич (1908–1991) — советский биолог, генетик. Муж Р.Л. Берг. Академик РАЕН (1990). Герой Социалистического Труда (1990).

³⁷ Медведев и Кирпичников, 1963.

³⁸ Кнунянц Иван Львович (1906–1990) — советский химик-органик, основатель научной школы фтороргаников.

³⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (16.07.2016): «Я сейчас почти не помню тех учёных, которые читали мою рукопись. Но помню многих, которые не только читали, но и добавляли некоторые подробности, детали. Поэтому самиздатная версия несколько менялась в процессе циркуляции. В Предисловии к первому полному русскому изданию (Изд. «Книга», 1993) и к новому изданию (изд. «Время», 2012) — это уже под названием «Взлет и падение Т.Д. Лысенко» — есть большой список тех учёных, больше 30 имён, которые не только читали, но и помогали, делали замечания и добавления и распространяли. Наибольшую помощь оказали А.И. Атабекова, В.П. Эфроимсон, Ф.Х. Бахтеев, Б.Л. Астауров, В.Я. Александров, А.Р. Жебрак, А.А. Любичев, у них были и собственные разработки по проблеме, иногда самиздатные (Эфроимсон, Любичев), но чисто научные. Благодаря этому рукопись ещё в период циркуляции «росла» и увеличилась к 1964 году почти в два раза».

⁴⁰ Комментарий Ж.А. Медведева (18.07.2016): «О географии я могу судить по письмам от коллег, которых я знал профессионально. Геннадий Бердышев, изучавший старение дальневосточных лососей, работал в то время в Хабаровске, генетик Владимир Струнников в 1963 г. работал в Ташкенте. Потом его пригласили в Москву, генетик Раиса Львовна Берг — в Новосибирске, украинский академик С.М. Гершензон — в Киеве. Тимофеев-Ресовский в 1963 г. работал в Свердловске — он собирал «летнюю школу» по генетике в Миассово (Челябинская обл.) и туда приезжали учиться «запрещённой» морганистской генетике из многих городов. Среди приезжих циркулировала и моя рукопись. Также было письмо (не по почте) от биохимика Василия Григорьевича Конарева из Башкирского Университета в Уфе».

⁴¹ «Через несколько дней ко мне домой пришёл незнакомый мне раньше молодой биолог Жорес Медведев (хотя я слышал его фамилию). Он сказал, что работает в одном из научно-исследовательских институтов, занимается генетическими проблемами геронтологии. Одновременно он на протяжении шести-семи лет собирает материалы по истории лысенкоизма; эта работа облегчается тем, что он имеет доступ к архивным материалам. Он очень высоко оценил моё выступление и попросил меня подробно повторить, по возможности точнее, что именно я говорил и всю обстановку. Все это он записал в блокнот для включения в его книгу. Ж. Медведев оставил мне для ознакомления рукопись своей будущей книги,

чили её. Размножение шло разными путями. Как она размножалась, не знаю, но размножение было очень широким.

К счастью для меня, последствий чисто административных, кроме обсуждения на парткоме Академии и определённого давления на заведующего, не было. Я сам уволился из Академии. Академия была в этот период в трудном положении. Я нашёл работу в Обнинске и перешёл туда, где Медицинская академия наук была в этот период более или менее независима от влияния Лысенко. Президентом Академии был Тимаков, который тоже прочитал рукопись. Блохин, ставший президентом после Тимакова (Тимаков стал вице-президентом), тоже читал рукопись. Они отнеслись очень положительно. Так что препятствий в смысле получения работы в медицинской системе эта рукопись не вызвала. Вплоть до периода, когда Ольшанский⁴² подверг её критике в «Сельской жизни»⁴³ и пока на Пленуме ЦК в 1963 г. этот вопрос не был выдвинут Егорычевым в официальной речи⁴⁴. Так что это вышло в официальную прессу — вопрос о существовании рукописи как клеветы и т. д.

Если бы Хрущёв не был отстранён в октябре 1964 года, то, по-видимому, давление на Медицинскую академию было бы достаточно сильным, и меня, наверное, уволили бы из Института медицинской радиологии под давлением из ЦК, из других групп. Но как только Хрущёв был отстранён, всё изменилось.

Самиздат, Тамиздат и советская наука

— **Вопрос о соотношении Самиздата и Тамиздата. Какие самиздатские издания Вы читали?**

— <...> В 1962 г. термина [Самиздат], как такового, не было. Существовало явление — распространение рукописей. В принципе, распространение рукописей среди научной среды существовало давно, задолго до 1962 г. Особенно в генетике. Существовало несколько очень критических очерков (я упоминал Эфроимсона, упоминал других), которые имели хождение среди генетиков. Некоторые из рукописей были довольно большого объёма. Один из генетиков, который упоминается в моей книге, Любищев, практически занимался Самиздатом: он печатал свои очерки, иногда по эволюции, иногда по генетике, иногда философского характера, иногда 100, иногда 200, иногда 300 страниц⁴⁵. Печатал на тонкой бумаге и рассылал своим коллегам,

которая тогда называлась «История биологической дискуссии в СССР» (или как-то похоже). Рукопись действительно была очень интересной» (Сахаров, 2016, С. 337).

⁴² Ольшанский Михаил Александрович (1908–1988) — советский агроном и селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук, профессор (1936), академик ВАСХНИЛ (1948). В 1960–1962 гг. — министр сельского хозяйства СССР. Написал письмо (14.07.1964) в Центральный Комитет КПСС Н. С. Хрущёву, где критиковал самиздатскую книгу Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности» и выступление А.Д. Сахарова на сессии АН СССР (публикацию письма см. <http://lysenkoism.narod.ru/olsh.htm>).

⁴³ Ольшанский, 1963.

⁴⁴ Егорычев, 1963.

⁴⁵ «Некоторые его работы широко распространялись в рукописях. Известно, что общение с Любищевым повлияло на ход мысли таких крупных биологов, как В.Н. Беклемишев, Н.Г. Холодный, П.Г. Светлов, А.Г. Гурвич и др. Может быть, когда-нибудь историки науки проследят это влияние по сохранившейся

друзьям, знакомым. Они показывали другим друзьям. Работы были очень интересные, но сырые, т. е. напечатать такую работу было бы трудно. Очень много интересных мыслей, очень много интересной критики, большая эрудиция. Он сам понимал, что это трудно издать и не предлагал для издания.

Затем было очень много чисто стихотворных рукописей, которые ходили. Даже о Лысенко была поэма, о происхождении видов⁴⁶. Некоторые люди добавляли туда сами от себя, поэтому поэма во время циркуляции менялась, создавалась как бы коллективно.

<...> Так что циркуляция рукописей не была, в общем-то, новым явлением. Определённые рукописи циркулировали и до этого. А в генетике, практически с того времени, как я начал работать как научный сотрудник, время от времени мне приходилось знакомиться с теми или иными документами, которые, в принципе, являлись или анонимными, или с автором, но которые нельзя было опубликовать. Возникали дискуссии вокруг целого ряда вопросов. Научная среда интересовалась этими вопросами. И поскольку нельзя было печатать, некоторые вещи, написанные более свободным языком, циркулировали и остались совершенно неизвестными для Запада, потому что это были научные работы. <...>

Это явление не называлось тогда Самиздатом и ему не придавалось какого-то специфического значения. Оно начало возникать шире после отставки Хрущёва. <...> Самиздат — это явление добровольное. В первой стадии кто-то создаёт какую-то критическую массу, и потом это зависит от самого произведения, чисто от отношения к нему людей: либо это отображает их взгляды, и они считают это важным для распространения, либо нет.

Что касается Тамиздата, то есть издания за границей, то, опять же, зависит от каждого отдельного случая. <...> Некоторые люди это делали сознательно и фиксировано направляли рукописи в определённые издательства. Некоторые не знали, что их материалы уходили за границу. <...>

— То, что писал Ваш брат, и то, что писали Вы — Ваши книги о генетике и другие работы, — попадали на Запад сознательно?

— Сознательно. Кроме первой версии книги о Лысенко, которая была напечатана в журнале «Грани» тоже в 1969 году почти одновременно с английским изданием⁴⁷, без моего согласия и даже против моего ясно выраженного желания.

Что касается меня и моего брата, то это всё было организовано. В нашем случае было важно, чтобы это шло к определённым людям, к определённым издательствам. У нас были связи. Книга о Лысенко, тот вариант, который напечатан... Он был напечатан в связи с тем, что после отставки Хрущёва возникло определённое давление среди академиков, довольно влиятельных людей, что книга может быть напечатанной, если

обширной переписке Любищева. Любищев был известен среди биологов как блестящий полемист. Оспаривать его убеждения далеко не просто, в частности потому, что мало кто может сравниться с ним по эрудиции в самых разных областях науки и культуры» (Мейен и Чайковский, 1982, с. 5–23)

⁴⁶ «Трофим, упершись как ишак, Позций не сдает никак: / Пшеница в рожь и граб в орех, / И в ель сосна, и, всем на смех, / В кукушку дрозд! / Нещадно бит Трофим ку-ку свое твердит / И славит гнездовой посев, / Науку с практикой презрев» (Пузанов, б./д.). Пузанов Иван Иванович (1885, Курск — 1971, Одесса) — русский советский зоолог и зоогеограф, путешественник, литератор, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки УССР, последовательный борец с «лысенковщиной».

⁴⁷ Медведев, 1969b. В России издана почти через четверть века под названием «Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)» (М.: Книга, 1993).

её сделать более умеренной, добавить главы о том, как Лысенко был смещён, т. е. показать не только подъём, но и падение.

Была создана комиссия Академии наук. <...> Я представил рукопись в издательство Академии наук, и они её не отвергли, а создали довольно авторитетную комиссию из 12 человек во главе с вице-президентом Академии химиком Семеновым. [В ней был] хороший генетик Астауров. Я чувствовал, что не будет издано, но шанс был. В начале 1965 года был определённый шанс, что книга может быть издана. Мне сделали официальное предложение переработать книгу. Я её переработал: дополнил, расширил, сделал более академической. Как историю. Но на определённые вещи давить невозможно без нарушения качества рукописи. Поэтому, когда комиссия вынесла положительное решение, издательство всё-таки отвергло книгу. То есть не издательство, а Президент Академии наук Келдыш наложил запрет на публикацию.

И я принял сознательное решение передать её за границу, но нужно было ждать необходимого канала. В этот период через западных журналистов это не делалось.

В определённый момент, в 1967 г., я встретил известного генетика из Швеции⁴⁸, с которым мы просто обговорили этот вопрос. И он согласился передать в Америку профессору Лернеру⁴⁹, который перевёл... Там была переписка, я знал, что профессор знает об этой рукописи, и, в принципе, я знал, что он сможет организовать её издание. Она попала к нему. <...> В нашем случае это не было стихийно. Это было более или менее организовано.

Литература

Егорычев Н.Г. Речь на Пленуме ЦК КПСС // Вечерняя Москва. 1963. № 144 (12041). С. 4.

Жуковский П. Дарвинизм в кривом зеркале // Селекция и семеноводство. 1946. № 1–2. С. 71–79.

Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 294 с.

Лысенко Т.Д. Не в свои сани не садись (ответ проф. П.М. Жуковскому на рецензию «Дарвинизм в кривом зеркале») // Правда. 1946. 23 июня. № 152 (10234). С. 5.

Мартин Б., Кузовкин Г.В. Жорес Медведев: «Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков» // Троицкий вариант. 2018. № 268. С. 2–3.

Медведев Ж.А. Биосинтез белков и проблемы онтогенеза. М.: Медгиз, 1963. 431 с.

Медведев Ж.А. Биологическая наука и культ личности // Грани. 1969а. № 70–71. С. 127–166.

Медведев Ж.А. Молекулярно-генетические механизмы развития. М.: Медгиз, 1966. 268 с.

Медведев Ж.А. Генетика в СССР // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. № 4. С. 175–185.

Медведев Ж.А. Третий раз в Америке. // Еженедельник 2000.ua. 2013. URL: https://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/tretij-raz-v-amerike_arhiv_art.htm

⁴⁸ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Оке Карл Густафсон (Gustafsson, 1908–1988) — ботаник, генетик (Швеция), в 1944–1968 гг. — директор института генетики леса в Стокгольме, в 1968–1973 гг. — директор института генетики Лундского университета. Координатор Шведской программы по мутагенезу растений (с 1940 г.). Критик Т.Д. Лысенко. Вывез в 1967 г. за границу рукопись (микрофильм) книги Ж.А. Медведева о культе личности в советской биологической науке.

⁴⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Михаил Лернер (Lerner, 1910–1977) — генетик (США), из семьи российских евреев, живших в Харбине; проф. Калифорнийского ун-та, перевёл, редактировал и издал кн. Ж.А. Медведева (1969).

- Медведев Ж., Кирпичников В.* Перспективы советской генетики // Нева. 1963. № 3. С. 165–178.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* 1925–2010. Из воспоминаний. М.: Права человека, 2010. 368 с.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Нобелевские лауреаты России. М.: Время, 2015. 860 с.
- Мейен С.В., Чайковский Ю.В.* О работах А.А. Любищева по общим проблемам биологии // А.А. Любищев. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. Л.: Наука, 1982. С. 5–23.
- Ольшанский М.А.* Против фальсификации в биологической науке // Сельская жизнь. 1963. № 195 (9673). С. 2–3.
- Пузанов И.И.* (б./д.) «Астронавт». Поэма в трёх песнях с прологом. Машинописный вариант. № 10_191 // Критика лысенковского «порождения» видов. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/000b0ce4.htm>
- Сахаров А.Д.* Воспоминания 1921–1971. Так сложилась жизнь. М.: КоЛибри, 2016. 560 с.
- Beyrau D.* Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 344 S.
- Medvedev Z.* Dix ans dans la vie de Soljenitsyne. Paris: Grasset, 1973. 300 p.
- Medvedev Z.* The Rise and Fall of T.D. Lysenko. New York: Columbia university press, 1969b. 284 p.
- Medvedev Z.* The Medvedev papers: Fruitful meetings between scientists of the world, and, Secrecy of correspondence is guaranteed by law. London: Macmillan, 1971. 471 p.
- Medvedev Z., Medvedev R.* A Question of Madness. New York: Knopf, 1971. 223 p.

“Fortunately for me, I started studying in 1944 and could therefore study classical genetics”

(*GENNADII V. KUZOVKIN*¹, *BARBARA MARTIN*².
FROM AN INTERVIEW WITH ZHORES A. MEDVEDEV)

¹ Scientific and Educational Center “Memorial”, Moscow, Russia; kuzovkin@memo.ru

² Pierre du Bois Foundation, Geneva, Switzerland; Barbara.martin@graduateinstitute.ch

In this interview taken by the German historian Dietrich Beyrau in 1984, Zhores Medvedev speaks about his scientific career in the Soviet Union, starting from his studies at the Timiriazev Agricultural Academy after the war. His early interest in questions of gerontology led him to study the aging process, first of plants, and later on of animals at three successive institutions, in Moscow (1951–1962), in Obninsk (1962–1969), and in Borovsk (1970–1972). The central theme of the interview is samizdat, a field in which Zhores Medvedev had a pioneering role. His work “Biology and the personality cult” became the first independent research in samizdat. As a result, the account of Medvedev’s opposition to Trofim Lysenko’s charlatan theories occupies an important place in the interview. Medvedev also explains the process that led him to publish his works in the West, where his first book in the biological field was published in 1966. By 1969, he published in the USA *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*, following the book’s rejection by Soviet censorship. Following this publication abroad, Medvedev was dismissed from the Obninsk Institute of Radiobiology. In 1970 he was incarcerated in the Kaluga psychiatric ward. His speedy liberation, however, was secured through a successful campaign by writers and scientists on his behalf, which received a broad international media coverage. In 1973, Medvedev was allowed to leave to London to work at the Medical Research Council and was deprived of his Soviet citizenship the same year.

Keywords: biology; agriculture; genetics; Stalinism; Soviet Union; dissent; samizdat.

References

- Beyrau, D. (1993). *Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Egorychev, N. G. (1963, June 19). “Rech’ na Plenum TsK KPSS” [Speech at the Plenum of the Central Committee of the CPSU], *Vecherniaia Moskva*, 144(12 041), pp. 4.
- Lepeshinskaia, O.B. (1945). *Proiskhozhdenie kletok iz zhivogo veshchestva i rol’ zhivogo veshchestva v organizme* [The origin of cells from living matter and the role of living matter in the body]. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR.
- Lysenko, T. (1946, June 23). “Ne v svoi sany ne sadis’ (otvet prof. P.M. Zhukovskomu na retsenziuu ‘Darvinizm v krivom zerkale’)” [Don’t move out of your depth (response to P.M. Zhukovskii’s review ‘Darwinism in a distorting mirror’)]. *Pravda*, 152(10 234), pp. 5.
- Martin, B. & Kuzovkin G. (2018, December 4). Zhores Medvedev: “Lysenko vydvynulsia na represiiakh protiv genetikov” [Zhores Medvedev: Lysenko got promoted because of the repressions against geneticists]. *Troitskii Variant*, 268, pp. 2–3.
- Medvedev, Zh. (1963). *Biosintez belkov i problemy ontogeneza* [Protein Biosynthesis and Problems of Heredity, Development and Aging]. Moscow: Medgiz.
- Medvedev, Zh. (1966). *Molekuliarno-geneticheskie mekhanizmy razvitiia* [Molecular-genetic mechanisms of development]. Moscow: Medgiz.
- Medvedev, Zh. (1969a). Biologicheskaiia nauka i kul’t lichnosti [Biological science and the personality cult]. *Grani*, 70–71, 127–166.
- Medvedev, Zh. (1969b). *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*. New York: Columbia university press.
- Medvedev, Zh. (1971). *The Medvedev Papers: Fruitful Meetings between Scientists of the World, and, Secrecy of Correspondence Is Guaranteed by Law*. London: Macmillan.
- Medvedev, Zh. (1973). *Dix ans dans la vie de Soljenitsyne* [Ten years in Solzhenitsyn’s life]. Paris: Grasset.
- Medvedev, Zh. (2012). Genetika v SSSR [Genetics in the USSR]. *Izvestiia Timirazevskoi Sel’skokhoziastvennoi Akademii*, 4, 175–185.
- Medvedev, Zh. (2013). Tretii raz v Amerike [Third time in America]. *Ezhedel’nik 2000.ua*. Retrieved from https://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/tretij-raz-v-amerike_arhiv_art.htm.
- Medvedev, Zh. & Kirpichnikov, V. (1963). Perspektivy sovetskoi genetiki [Perspective of Soviet genetics]. *Neva*, 3, pp. 165–178.
- Medvedev, Zh. & Medvedev, R. (1971). *A Question of Madness*. New York: Knopf.
- Medvedev, R. & Medvedev, Zh. (2010). *1925–2010, Iz Vospominanii* [1925–2010. From Memoirs]. Moscow: Prava cheloveka.
- Medvedev, R. & Medvedev, Zh. (2015). *Nobelevskie laureaty Rossii* [Russia’s Nobel laureates]. Moscow: Vremia.
- Ol’shanskii, M. (1963, August 18). Protiv fal’sifikatsii v biologicheskoi nauke [Against falsification in the biological science]. *Sel’skaia zhizn’*, 195(9673), pp. 2–3.
- Puzanov, I. (n/a). “Astronavt”. Poema v trekh pesniakh s prologom [“Astronaut”. Poem in three songs with a prologue]. In *Kritika lysenkovskogo “porozhdeniia vidov”* [Critique of Lysenko’s “origin of species”]. Retrieved from <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/000b0ce4.htm>.
- Sakharov, A. (2016). *Vospominaniia 1921–1971: Tak slozhtilas’ zhizn’* [Memoirs 1921–1971: so life has been]. Moscow: KoLibri.
- Zhukovskii, P. (1946). “Darvinizm v krivom zerkale” [Darwinism in a distorting mirror]. *Seleksiia i semenovodstvo*, 1–2, 71–79.